

Думы о вечном

Чекалов Евгений Васильевич

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян

Эти слова песни, неотступно следовали за мной всю мою молодость, большую часть которой я провёл в пеших походах. Видя восходы и закаты солнца, меся в осенние дожди дорожную грязь, сырой, в этих походах впервые присягнул я на верность своей Родине, СССР, и той присяге верен до сих пор. В молодости я был допущен в святыне святынь науки нашего государства.

Тогда в деревне ещё не было света, только огоньки в окнах керосиновых ламп, были теми маяками, которые освещали мои дороги

во взрослую жизнь. И шли вместе со мной простые советские люди, которые, несмотря на все трудности, жили, любили, рожали детей, сеяли и пахали, стояли у станка и поднимали страну после военной разрухи, отказывая себе во всём. По-другому мы жить не могли.

Такого удара в спину, что мы получили в 90 годы прошлого века, представить себе мы не могли даже в страшном сне. Этого удара многие не вынесли, а те, кто остался жив, живут с тяжестью на сердце, погибая уже от инфарктов и инсультов. И нас опять призывают к патриотизму и ещё потерпеть. – Но возникает естественный вопрос – ради чего?

Деревне не возместили долгов до сих пор, ведь во время войны у нас не было даже продовольственных карточек, чувство голода было нашим постоянным спутником.

Вот уже не одно десятилетие Дума не может принять закона о статусе ‘Дети войны’.

http://samlib.ru/c/chekalow_ewgenij_wasilxewich/k75letijuchekalowaewgenija_wasilxewicha.shtml

“В этом году 75-летие автора совпадает с другой датой – 70-летием ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ и это событие заслонило собой ‘Детей войны’.

Пять лет назад была создана Общественная некоммерческая организация ‘Дети Второй мировой войны из бывшего Советского Союза’ (‘Дети войны’) создана по решению учредительного собрания 22 ноября 2010 года.

За прошедшие 25 лет можно делать только неутешительные выводы – мы, ‘Дети войны’ в этой стране чужие. Много ли мы слышим по телевизору о нашем поколении, СМИ ведут себя так, как будто нас не существует. Это в начале перестройки, когда нам отрубали хвост по частям, мы пицали и что-то прорывалось наружу. Сейчас новые проблемы и новости, - властям не до нас. Ветеранам Великой Отечественной отдадут кусочек внимания, да, со временем и забудут. – Не упоминать их просто нельзя, мир не поймёт”.

“Инициаторы законопроекта предлагают наделить статусом «дети войны» граждан, родившихся в период с 1 января 1941 года по 31 декабря 1945 года, если один или оба родителя являлись военнослужащими и погибли или пропали без вести в районах боевых действий в период Великой Отечественной войны.

(Образец мышления ‘наших’ законодателей, здесь они показали всему миру своё нутро. Это продолжатели дела ‘нашего’ мальчиша-плохиша! Именно их и будут поздравлять с Днём Победы!)”

<http://www.zsvo.ru/press/view/1495/>

И как что-то можно вытерпеть, если убита вера в то, с чем мы жили всю жизнь и этого уже не видим вокруг себя.

Когда сейчас говорят об ударе в спину, мне невольно вспоминается тот удар в спину, который является прародителем всех современных ударов.

Сейчас модно стало по телевидению обсуждать все новости в передаче 'Время покажет', куда многие видные аналитики ходят как на работу, но что-то время им ничего не показывает, я, же после таких передач чувствую себя уставшим и опустошенным.

Поневоле мысли тебя возвращают только к прошлому, но измученный мозг и там не находит отдохновения. Прошлое существует теперь только в нашей памяти. Ещё свежи детские впечатления, скоро и они изветшают.

Память неизвестно по какому признаку выбирает каждый раз разные маршруты, и я мысленно прохожу по ним. Но трудно сказать, что сейчас находится там, живём мы больше теперь в виртуальном пространстве!

Действительность, окружающая нас, это чужая жизнь, в которую занесло нас против нашей воли.

То, о чём я буду писать далее, в памяти уже существует в нескольких вариантах, но более ярки первые впечатления. Поэтому мысли мои чаще возвращаются к окрестностям деревни Удельное-Рыкино, это в этой деревне мы пережили тяжелые годы войны.

Поэтому-то эта деревня часто лежала на моём пути. Эта деревня первая погибла на моих глазах.

Мне были знакомы в окрестности деревни все тропки и дорожки. С одной стороны деревни лес примыкал прямо за деревенской улицей, в этот лес часто ходил я со своим двоюродным братом Юрием, который позднее стал Леонидом, был он старше меня на 7 лет.

Дорога эта на станцию называлась зимником, так как до самой железной дороги шла она лесом, поэтому в зимнюю пургу заметалась она меньше. И здесь можно было ехать и на лошади, так как дорога выходила прямо на переезд через железнодорожные пути.

На другом порядке улицы в третьем доме с левой стороны был дом бабушки, в котором вначале мы жили 3 семьи. Из окон дома часто наблюдал я, как народ торопился на железную дорогу. На железнодорожную станцию ходил народ и в магазины, в деревне Удельное-Рыкино магазина не было. Позднее в эти магазины ездил на велосипеде и я, когда летом был на каникулах. Эту дорогу выбирал я всегда зимой. Она для меня начиналась сразу от железнодорожного переезда.

На картине, указанной ниже показан дом бабушки, позади которого был пруд, из которого воду брали только для питья.

Вода здесь была глубоко, поэтому колодец на деревне был только один, и был он на противоположном краю деревни, рядом с ним проходила дорога в Барское-Рыкино.

Вечером на стене растягивался белый экран и жителям показывались последние новости с фронта.

Неперспективная

Автор Чекалов Евгений Васильевич

Перейдя на другую сторону железнодорожной насыпи рядом с будкой стрелочника, тропинка углубилась в густой хвойный лес. С обеих сторон дороги углубления в этом месте сравниваются с насыпью железной дороги, что делает возможным устройства переезда через дорогу, ведущего из леса к улице, расположенной за небольшим болотцем.

Этой тропкой часто я держал путь, когда приезжал в гости к отцу. Дороги эти, как правило, запомнились мне ночные и зимние. При входе со света, отражающегося от железнодорожных фонарей и льющегося с неба, темнота окутывала тебя своим мраком; кругом стоят высокие ели, в своем сказочном одеянии; ветер шумел в вышине, раскачивая верхушки елей, только комья снега, падающие вниз, нарушали тишину в глубине леса, с заслоном из молодой поросли, охраняющей дорогу.

Луч моего карманного фонарика разрезал окружающую меня темноту ярким лучом света, обнажая кружащий и спускающийся с вышины пушистый снег, укутывающий своим покрывалом лесную дорогу. Чем глубже уходила дорога в лес, тем свежее становился воздух, отступал преследующий тебя, запах железнодорожной смолы со специфическим вкусом во рту переработанной нефти.

Характерно то, что на этой дороге я никогда никого не встречал, никто не нарушал моего одиночества, только белки иногда пересекали мой путь, перебегая через дорогу.

Летом, все эти места вокруг зарастают черникой, собирающей и накапливающей в себе в лесной непроглядной глуши лечебный эликсир для глаз.

Этой-то дорогой в любое время суток не один год ходил на работу и мой дед.

Сейчас дороги этой, возможно, уже и нет, поглотила её лесная трава и кустарник, которые так и ждут, когда человек отдаст им своё пространство. Дороги и деревни живы человеком и погибают они одновременно.

Перед выходом из леса, пересекаешь газопровод, после этого, повернув почти под прямым углом, пройдёшь немного перелеском, и взору открывалась деревня Удельное-Рыкино.

Последнее время домов в ней оставалось немного, но деревня была видна, а тут сразу при выходе из леса, дорога обрывалась, и вместо деревни открылось передо мной поле подсолнухов.

Так потерял я свою Малую Родину.

Так незаметно мы переходим и к другой моей деревне Барское-Рыкино. Это было уже моё школьное детство.

Помню я все поля окружающие деревню летом, когда на полях колосилась рожь, пшеница, овёс. На некоторых полях, особенно на тех, что были окружены перелесками, засевали иногда гречиху, но основной культурой всё-таки у нас была рожь.

Обрабатывали её, как правило, в последние дни летних каникул, как только завершался сенокос.

Сначала рожь сжимали серпами, а затем вязали снопы и из них делали бабки, в одну бабку входило 10-11 снопов ржи. Эти снопы свозились на ток, где снопы освобождались от колосьев.

Затем с помощью веялок проходил этап освобождения от мусора зёрен ржи.

Характерным в сельскохозяйственных работах было то, что взрослая трудовая жизнь родителей с ранних лет проходила на глазах детей, а дети 10-12 лет уже становились непосредственными помощниками родителей, в основном, это были одни матери.

Это был самый главный воспитательный процесс, который естественно входил в душу ребёнка.

На краю нашей деревни, справа от дороги, ведущей на ферму, располагался ток, куда в конце августа с полей свозились снопы. Сбор колосьев на полях были нашей непосредственной работой.

Когда на токе работали веялки, стоял сильный шум, кругом было очень пыльно.

Веялки приводились в движение лошадьми, с помощью приводного механизма, основной частью которого является большой металлический круг, под ним находились шайбы передач. К кругу прикреплялись 2 длинные жерди, их-то и толкали лошади.

Ребятишки очень любили кататься, сидя на этом кругу.

Вот так однажды, сидел на этом кругу мой дружок Амосов Саша, на нем был длинный плащ, который и попал в шайбу передач и стал плащ накручиваться на вал.

Как не кричал мой дружок, в шуме никто его не слышал.

Меня в этот раз на токе не было, я был в соседней деревне у бабушки. Родители сильно испугались, отец долго искал меня, я же ушел к бабушке, не доложившись, за что мне сильно и попало.

Позднее, когда появились комбайны, необходимость в этом току отпала. Мы ребятишки бегали по полю за комбайном и просили покататься на прицепе, куда сваливалась солома, которую мы разбрасывали граблями равномерно по прицепу, стоя на площадке. Но это было уже в школьные годы.

Смерть друга потрясла меня, еще долго я не мог оправиться после этого события. Семья Амосовых была большой, остались ещё 3 брата и сестра.

С одним из братьев, Владиславом, мы дружили, пока учились в школе семилетке, после окончания которой, он уехал работать в город Ковров, где работали его старшие братья.

Последняя моя встреча с ним была в 1992 году на автобусной станции в Вязниках. После многих лет разлуки при встрече мы сразу узнали друг друга. У него, оказывается, умерла жена, сам он перенёс инфаркт, был на инвалидности. Дочь его училась в университете. Во время встречи он всё оглядывался по сторонам, как будто кого-то ждал. И, действительно, его пришла проводить женщина, оказывается, это была землячка из нашей деревни. Была она младше нас, в своё время для меня она была детворой, которую я не очень даже различал по лицам, фамилия её Протасова. Дом их стоял как раз напротив нашего деревенского колодца.

Сошёлся он с ней на встрече односельчан, которая по традиции бывает каждый год на Троицу. Жила она в Вязниках, работала в школе учительницей.

Судьба моего друга во многом показательна и многое говорит о душевном состоянии моих односельчан, которые остались на всю жизнь родными.

На встрече односельчан мне не удалось ни разу присутствовать, времени, когда они собирались, не было совсем.

Однажды, уж совсем собрался ехать на эту встречу, но, было время сенокоса, пришла разрядка нам оказывать шефскую помощь совхозу, надо было ехать в луга. Поездка моя сорвалась.

На похоронах моего друга Саши Амосова, который трагически ушёл из жизни, учась в 3-ем классе, задушенного шестерёнками коногона, первый раз в жизни я был на деревенском кладбище, поросшем тогда ещё молодыми березками, расположенном на высоком бугре слева от дороги к моей деревне за Станками.

В каждый свой приезд в деревню я всегда держал путь мимо этого кладбища. Взгляд невольно поворачивался в его сторону, позднее похоронил на этом кладбище я и отца, к этому времени мать лежала там уже 28 лет.

Первое время после смерти отца часто приезжал я посетить могилы родителей, в 1983 году привёз из Муромы и установил на могилах скромные памятники, которые изготавливали из нержавеющей стали у нас на нашем заводе. Привёз памятники на попутном заводском транспорте, который ехал в Мстёру за мебелью. После перестройки никак не выберу время посетить родные могилы, то некогда, а сейчас уже и здоровья нет.

Мне, когда об этом вспоминаю, становится просто неудобно, что заботы о родных могилах легли на плечи моей двоюродной сестры и её дочери Нади. Теперь нет уже двоюродной сестры.

Похоронены на этом кладбище наши дедушка и бабушка, памятники в то время на могилы не ставили, правда, могилка бабушки известна, где же похоронили деда, не знаю, известно, что где-то рядом, говорят, что на могилке тогда посадили берёзку. Время смерти деда известно, в эти дни, 6-ого марта, родился я.

Запомнилась мне на всю жизнь, другая дата, 5-ого марта умер Сталин.

Теперь жителей окрестных деревень не хоронят здесь, разбрелись они по белу свету и затерялись их косточки вдали от родных мест. Те, кто ещё живы, бредят и бродят ночами по своей Малой Родине, и кружатся их воспоминания над могилами своих предков, и в этом полете, мы никогда не встречаемся, как будто покрыты мы шапками невидимками. И сколько таких деревень погибло по России? Где бы я ни был, везде я нахожу следы их, по понятным для меня признакам, для глаз современного жителя, которые не заметны. Просто у них не появляется и мыслей на эту тему, вот так и мы живём в виртуальном мире, вроде бы мы и есть, и вроде бы нас и нет, мы уподобились теням, которые пропадают в пасмурную погоду. Нас стараются не замечать и не нарушать своего благодушного состояния новые хозяева жизни, находящиеся во сне, навеваемом птицами фениксами новейшего времени. Упаси боже того, кто нарушит их сон.

Меня самого часто посещают сновидения, в которых я всегда собираюсь в деревню к отцу, большей частью еду я из посёлка Мстёра, редко когда я выезжаю за пределы посёлка, дальше мстёрской дамбы всё никак не продвинусь. Бывают все-таки сны, когда я подхожу к родной деревне, и она обустроивается новыми жителями, и в душе появляется радость за то, что отцу будет жить в деревне не одиноко.

В мирной жизни после нашей войны мы продолжили путь, начертанный нашими отцами. Получилось так, что матери лишился я рано, и её мне заменил отец. Рядом с ним стояла уже другая женщина, его новая гражданская жена. Они всегда стояли у крыльца, провожая меня после каждого моего приезда в деревню, а этих приездов было ох, как много. До сих пор они стоят у меня перед глазами рядом с крыльцом нашего дома, и провожают меня взглядом до тех пор, пока я не скроюсь за последним домом деревни, а я, как и тогда, предварительно оглянувшись назад, сейчас опять поворачиваюсь к своему прошлому.

Белым же днём, особенно, сейчас, когда сажусь я писать свои заметки, я словно раздваиваюсь, один сидит за компьютером, дух же мой витает там, на моей Родине. Всегда вижу, деревню я с высоты, взор мой путешествует и во времени и в пространстве, иногда моё я распадается на множество 'я', и трудно определить, где я какой, появляются образы моих близких и знакомых и среди них я.

Деревню вижу с многих ракурсов, и сверху, и находясь среди родных домов и вдали, и при подходе к ней, и удаляясь от неё, спиной чувствуя её присутствие. Чем дальше я отдаляюсь от неё, тем сильнее меня начинает она притягивать к себе, хотя перед глазами уже мелькают другие поля, леса, дома, тропинки и дороги.

Когда же я возвращаюсь сюда, чувство радости и тоски овладевают мной, нигде как здесь, душа так не жаждет успокоиться.

После путешествий возвращаюсь я домой, но душа находится в плену прошлого, и мой первый дом крепко держит меня своими невидимыми узами. Когда он ещё был жив, узы эти были не такими крепкими, с годами же они всё крепнут и крепнут, и нет уже сил, противиться им.

Последние годы отец не ходил, ему ампутировали ногу, а вторая болела и жил он уже не в своей деревне. Снится он мне всегда ходячим, вроде бы на протезе. В свой приезд стараюсь ему сделать на огороде как можно больше, но всегда всё не успеваю сделать. Иногда снится, что на месте своего дома стоит другой дом, и живут в нём другие хозяева, и я озабочен тем, где мне переночевать.

Мать в своих снах не приходит ко мне никогда. Деревья на кладбище за это время стали совсем большими.

Как-то получалось, что приезжал на кладбище я весной, выбирал для этого тёплый погожий день. Всё вокруг дышало спокойствием, ничто не нарушало покой обитателей сельского кладбища. С неба, как в детстве,

над полями лились песни жаворонка, к этому хору присоединялись птички, чирикающие в зарослях, окружающих кладбище.

Кругом раздавалось журчанье ручьёв, впадающих в окрестные овраги, которые несут свои воды в реку Клязьма. Внизу располагается село, с разрушенной церковью в центре, слева от села взору открывались речные дали вплоть до самых Вязников, но эта окружающая красота уже не доступна обитателям кладбища, только мы, живущие вдали, мысленно наслаждаемся этой красотой. В своих воспоминаниях время, как будто остановилось, и этот пейзаж становится уже не подвластным времени.

В деревне на сельском кладбище не терроризируют родственников умерших, всё течёт своим чередом, хоронят умерших, всем оставшимся ещё в живых, населением. Поминки устаивают в городе Вязники.

Многие жители, которые стали жить вдали от своей Родины, стали завещать похоронить их здесь.

Городское же кладбище производит удручающее впечатление, как и сама жизнь. Человеку не дают ни жить, ни умереть по-человечески, стараясь как можно больше принести страданий при жизни.

Какие путевые заметки без описания дорог и заветной цели путешественника - кладбища! Под конец жизни всё явственнее просматривается их органическая связь. Никогда ещё так близко я не подходил к цели своего странствования. У нашего населения, особенно пожилого, осталось одно единственное доступное им путешествие - это походка в лес. У меня в мой лес на новом месте жительства всегда дорога пролегает мимо кладбища и всей его инфраструктуры.

Лес для нас является, как и в мои детские годы, незаменимым целителем, местом отдыха, превратился он в незаменимый источник питания, витаминов, лекарств.

И на это народное достояние покушается капитал, проникая и сюда своими щупальцами, лишая людей пристанища и укрытия от житейских невзгод. Сколько грибных мест уже нарушено, гружёные лесом машины следуют одна за другой по бойким окрестным трассам автомобильных дорог.

Часто, проезжая мимо своего городского кладбища, поражаюсь размером его, это целый город со своими законами и аллеями славы, с портретов памятников глядят на посетителей всё больше молодых лиц,

высеченных на чёрном граните, но мне почему-то ближе фанерные памятники с красной звездой.

От большого количества этих лиц, удручающее впечатление только усиливается. Я стараюсь побыстрее проскользнуть мимо этого зрелища, но мысли ещё долго находятся под влиянием от увиденного, не хочется быть жителем этого города.

Поражает однообразие памятников, индустрия изготовления их поставлена на широкую ногу, сделано всё для удовлетворения потребностей людей, но, пока ещё живых. Стоит эта мастерская прямо на углу поворота с оживлённой автомобильной трассы на кладбище.

Напротив мастерской в тени высоких тополей, растущих вдоль трассы, под забором, прямо на асфальте сидят женщины и продают летом живые цветы, лавочки для сидения они захватывают с собой. Под зонтами они скрываются от дождей, а больше от солнца, которое здесь в жаркий день печёт немилосердно.

К правой стороне асфальтной дороги, идущей в сторону кладбища, примыкает пешеходная часть. По краям её установлены лавочки для отдыха пожилых посетителей кладбища, идущих навестить своих близких, правда, в голове появляются и другие мысли. Воображаю я на этих лавочках сидящих стариков, потерявших в кризис свои гробовые и решившие в последний путь идти своим ходом.

Однако, сидящих на этих лавочках людей, я никогда не замечал, все куда-то бегут, торопятся, видимо, стараются взять от жизни, пока живы, как можно больше.

Обочину дороги окаймляют заросли полыни и цикория, поражающего зрение своими синими цветками на фоне выжженной летним жарким солнцем поникшей травы.

Радует зрение только поле с высокой колосющейся рожью, расположенное с левой стороны дороги, поражающей своей ухоженностью. Сделано всё для того, чтоб ничто не омрачало последнего пути новых обитателей кладбища.

У ворот кладбища построена новая церковь, выкрашена она в один из цветов светофора - зелёный.

Жителям кладбища на нём становится тесно, и кладбище вышло из леса, заняло пока только опушку леса, намереваясь в дальнейшем полем двинуться прямо в сторону посёлка, потеснив поле ржи своими плотными рядами.

Воочию, каждый раз приходится наблюдать борьбу путей земных с не земными.

Дорога не хочет отдавать своего жизненного пространства и поэтому ширится и петляет, разбиваясь на множество тропинок и развилок, как бы, стараясь запутать старуху с косой, не даёт ей перешагнуть через себя.

Но видно трудно ей спорить со строптивой старухой, во всём просматривается тенденция капитуляции дорог. Сколько их поросло бурьяном на моей памяти.

Правда, последнее время новые хозяева земли, примыкающей к кладбищу, встали грудью за свою землю и все тропинки и развилки регулярно запахивают. Дорога от этого стала уже и глубже, а в ненастную погоду превращается в настоящее болото, как бы противясь посещению могил родственниками на мерседесах.

Сколько не пытались эти колдобины засыпать песком, но всё напрасно, грязь начинает двигаться прямо к могилам, доставляя проблемы родственникам умерших.

А вдали на повороте к кладбищу, всё пронизано заботой о ещё живущем человеке, не хватает только над всем этим ненавязчивым сервисом приглашающей надписи: 'Добро пожаловать'.

Как художник не мог я пройти мимо этой картины. Тема эта волнует меня давно, и её я реализовал в далёком в 1990-ом году. В то тёмное время, я как будто почувствовал испытания, которые ждут нашу страну. Каждой своей клеточкой я ощутил грядущие потери, и оказался прав в своих пророчествах, на меня, как будто давили 2 миллиона 370 тысяч россиян, жертв мирного времени, которых Россия не досчиталась в 2003-ем году.

Долго искал я подходы к решению данной темы, и лаконичнее языка, чем религиозный, не мог найти, хотя человек я не верующий. Пришлось взять на вооружение образ Христа, символизирующего весь Русский народ, который распят на красном кресте, возвышающемся над новенькой церковью с её позолочёнными куполами. Внизу расстилается холодное поле - 'Русское поле', на котором стройными рядами тянутся линии светящихся точек, сходящихся на горизонте, при ближайшем рассмотрении которые оказываются горящими свечами. Холодный язык пламени, вырывающийся из церкви, лижет ноги Христа, который страдальчески наклонил голову к своему плечу.

Судьба картины сложилась так, что мало кто из зрителей видел её. В салоне в Москве тогда ещё, в далёком 1990-ом году, её не взяли, сказав, что это уже слишком. Правда, два раза я выставлял её на выставках, которые организовывала редакция газеты 'Муромский рабочий', первый раз в 1991-ом году. Позднее, с ликвидацией рабочего класса, издание стало иметь уже другое название - 'Провинция'. Сейчас она мной выставлена в Интернете.

Несколько лет назад не взяли работу и на городскую выставку, не знал ещё тогда выставком статистических данных о смертности в России в 2003-ем году.

Надо отметить, что городские власти, глава администрации бывший коммунист, сейчас уже другой, у нас трепетно относятся к церкви, может быть боязнь недовольства её, то есть власти, и послужило причиной отказа. Не знаю?

С тех пор я решил просто не участвовать у себя в городе, ни в каких выставках. Не хочу участвовать в драчках за квадратные сантиметры на стенах выставочного зала, за которые сейчас дерутся бедные провинциальные художники, как наши городские нувориши за престижные земли в центрах городов и столиц, сначала на них оставляя пепелища. Вот он путь цивилизации - Огнём и мечом!

Сейчас ведётся такая политика, чтоб унижить нас советских людей, бывших когда-то специалистами своего дела, а теперь вынужденных доживать последние годы униженными и оскорблёнными в нищете, считая последние копейки в кармане.

А умрёшь ты сейчас, то и памятника-то приличного не будет на могилке твоей.

А это только и нужно нашей власти, чтоб никакого и следа от нас не осталось на нашей грешной земле.

Как 70 лет Советской жизни вычеркнули из жизни нашей страны, так пытаются забыть и нас.

Где он наш защитник? Ау! Нет его. Оппозиция, где Вы? - Кругом тишина.

Евгений Чекалов. Первый вариант от 20/05/2009

PS.

Сейчас это кладбище закрыто, до нового кладбища надо ехать ещё 3 километра. Многим пожилым людям, потерявшим своих родственников, стало уже проблемой навещать их могилы, хотя ничто не мешало расширить границы кладбища, окрестные поля всё равно не обрабатываются.

Рядом с кладбищем теперь проходит объездная дорога вокруг города Муром. Машины несутся куда-то как угорелые, не снижая своей скорости мимо установленной недавно новенькой церкви.

Для машин ещё предусмотрены какие-то подъезды к кладбищу, пешему же человеку созданы определённые трудности, не успеваешь крутить головой, чтобы не попасть под колёса.

Жертва невидимого фронта